

создании столовых «закрытого типа с повышенным питанием», о контингенте «прикреплённых» к ним лиц: рабочих, служащих, «представителей партактива» и других категорий населения.

Трудно не согласиться с выводом Соболева: обеспечение дополнительными пайками представителей командного состава, руководителей промышленных предприятий, партийных, советских и хозяйственных работников, сотрудников НКВД, постепенное увеличение норм питания для деятелей науки и искусства свидетельствовало прежде всего об уверенности в том, что именно эти группы будут активно работать на нужды фронта и участвовать в послевоенном восстановлении городской жизни.

Иван Петров: Интеллигенция в блокированном городе

Ivan Petrov (Saint Petersburg State University, Russia): Intellectuals in a Blocked City

DOI: 10.31857/S086956870005192-2

В последнее время и в России, и за её пределами всё чаще выходят исследования и документальные публикации, посвящённые истории блокадного Ленинграда. В них рассматриваются проблемы, связанные с обстоятельствами битвы за город, взаимоотношениями власти и населения, настроениями простых ленинградцев, девиантным поведением граждан, оказавшихся в критической ситуации. Но сейчас, к сожалению, почти не осталось историков-очевидцев ленинградской блокады, способных от первого лица рассказать о трагических событиях тех лет и соединить собственные воспоминания с массивом архивных документов. Поэтому столь важна трилогия почётного профессора Санкт-Петербургского университета Г.Л. Соболева — блокадника, ещё в 1960-е гг. входившего в знаменитую группу В.М. Ковальчука, которая, по сути, первая приступила к научному изучению трагедии Ленинграда.

Уже тогда историк осветил подвиг учёных, принявших решение не покидать осаждённый город и продолжавших работать в нём, укрепляя его оборону⁵². «Ленинградские работники науки, — пишет Соболев в своём новом труде, — не только осуществляли техническое руководство строительством оборонительных сооружений, но и вместе со всеми трудящимися города рыли окопы и траншеи. Во Фрунзенском районе только 25 июня 1941 г. на возведении укреплений трудилось более 4 тыс. преподавателей и студентов вузов и техникумов» (I, с. 63). Именно благодаря им в кратчайшие сроки была сооружена Лужская оборонительная полоса (I, с. 64).

В своей трилогии Геннадий Леонтьевич уделяет особое внимание положению творческой интеллигенции и её роли в поддержании духа жителей Ленинграда. Особое значение при этом имело радио. Так, «осенью 1941 г. состоялась радиоперекличка двух городов-героев — Ленинграда и Севастополя. Затаив дыхание, ленинградцы слушали по радио голос О. Берггольц, В. Вишневского, В. Инбер, Н. Тихонова, А. Прокофьева, Д. Шостаковича и др.» (I, с. 173). Вопреки устоявшемуся мнению, не всё, что выходило в эфир, одобрялось властями. Ярким примером этого являлось самоотверженное чтение «Февральского дневника» Ольги Берггольц в одном из выпусков «Радио хроники» 1942 г.

С февраля 1942 г. культурная жизнь города начала понемногу возрождаться. Местное руководство старалось этому содействовать: было принято решение

⁵² Соболев Г.Л. Учёные Ленинграда в годы Великой Отечественной войны...

о выдаче супов без карточек актёрам и обслуживающему персоналу театров, оказывалась существенная помощь в электроснабжении и восстановлении повреждённых площадок. По данным Н.А. Ломагина, даже немцев поражала «нормальность» функционирования в блокированном городе кинотеатров, выставок и библиотек (II, с. 107). Говоря о произведениях, созданных в этот период, историк не забывает ни о знаменитой «Ленинградской поэме», ни о холстах художника В. Пакулина, запечатлевшего в феврале 1942 г. жуткие картины самого страшного времени блокады (I, с. 467). В Государственную публичную библиотеку передавались книги из «бесхозного и выморочного имущества», в ленинградском доме Красной армии проходили концерты Клавдии Шульженко (II, с. 106—107).

В сентябре 1942 г. возобновились занятия в начальной школе, старшеклассники до 15 октября оставались на сельскохозяйственных работах. Налаживалось снабжение школьников продовольствием (II, с. 226). Кроме того, в декабре в городе действовала 51 школа для взрослых, где учились более 5 тыс. человек (II, с. 395). К этому времени с новой силой заработал городской театр, впервые после вызванного войной перерыва собралось на заседание Всесоюзное театральное общество, продолжались концерты симфонического оркестра в филармонии (II, с. 396).

Своеобразным символом постепенного возвращения к нормальной жизни стало налаживание работы высших учебных заведений; число обучавшихся в них в 1943 г. существенно возросло. Однако, как справедливо отмечает историк, «возобновление деятельности высшей школы в Ленинграде не обошлось без недостатков и ошибок, которые пришлось исправлять. Приёмные экзамены в 1943 г., как правило, не проводились, в вузы зачислялись все имевшие свидетельство об окончании средней школы. Более того, некоторые институты, не имея возможности пополнить свои ряды за счёт выпускников средней школы, принимали лиц, не имевших законченного среднего образования. Из-за недостаточной подготовки такие студенты не могли успешно заниматься, и многие из них после первых же экзаменов были отчислены из вузов» (III, с. 572—573).

О церковной жизни города в трилогии сказано немного. Тем не менее Соболев упоминает об участии оставшегося в осаждённом городе митрополита Алексия (Симанского) в сборе средств для фронта и в пропаганде патриотических идей. Сообщая о том, что «в октябре 1943 г. по поручению Президиума Верховного Совета СССР медали “За оборону Ленинграда” получили 12 священнослужителей, среди которых были митрополит Ленинградский Алексей, настоятель Никольской церкви Большеохтинского кладбища протоиерей Владимир Дубровицкий, благочинный церковей Ленинграда протоиерей Николай Ломакин и др.», исследователь констатирует: «Это было признанием того факта, что церковь даже в самые трудные дни блокады оставалась вместе со своей паствой, давая горожанам духовное утешение и поддержку, что Ленинград сопротивлялся врагу не только силой оружия, но и силой общего воодушевления» (III, с. 573—574).

Особенно часто автор трилогии обращается к деятельности Ольги Берггольц, полагая, что её слова как нельзя лучше выражали царившие в то время у жителей города надежды и страхи, опасение бесконечности войны и предчувствие скорой победы, планы на будущее и горечь безвозвратных утрат. В полной мере это относится и к её знаменитому выступлению по радио 18 января 1943 г. (II, с. 450).

Блистательный фильм С.А. Герасимова и М.К. Калатозова «Непобедимые» («Ленинградцы»), снятый в Алма-Ате и вышедший на экраны в дни прорыва блокады, по словам Соболева, «привлёк внимание широкой общественности» к судьбе города и героизму его жителей (II, с. 451). Однако уже в 1943 г. советская цензура болезненно реагировала на возвеличивание подвига ленинградцев и попытки рассказать об ужасах блокады. Так, даже пьеса «У стен Ленинграда», написанная столь близким к власти автором как Всеволод Вишневский, стала настоящей «головной болью» для партийного руководства, просто-напросто не желавшего слушать о происходившем в начале войны (III, с. 610).

Кирилл Болдовский: Понимание, основанное на источниках

Kirill Boldovsky (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences): Understanding based on sources

DOI: 10.31857/S086956870005193-3

Блокада Ленинграда — одно из крупнейших событий Второй мировой войны, как по масштабу трагических последствий, так и по влиянию на ход боевых действий на советско-германском фронте. При этом, естественно, «у каждого была своя блокада». Столь многофакторное и разноплановое историческое явление по-разному воспринималось и отражалось в источниках, созданных «по обе стороны фронта». Да и, к примеру, в Москве положение блокированного города представлялось иначе, чем в самом Ленинграде. А условия военного времени и специфически советская «закрытость власти» сказывались на преломлении информации и в документах различных учреждений, и в текстах, выражающих индивидуальные и общественные настроения.

Всё это существенно затрудняет комплексное историческое исследование. Ведь в нём, очевидно, необходимо использовать не просто репрезентативные, но и непременно разнообразные по своему происхождению источники. Поэтому неудивительно, что в последние десятилетия работы, посвящённые блокаде, как правило, раскрывали лишь отдельные её аспекты: историю военных операций, блокадной экономики, повседневности и т.д. (I, с. 6—26). Тем самым единое целое как бы разделялось на самостоятельные и слабо связанные между собой части.

Уникальность трилогии Г.Л. Соболева, написанной в лучших традициях петербургской исторической школы, заключается прежде всего в том, что в ней процессы блокадного времени впервые комплексно и виртуозно анализируются с привлечением огромного количества новых источников, ставших доступными после начала «архивной революции». Сам Геннадий Леонтьевич выявил в петербургских архивах и осветил в своей трилогии ряд неизвестных ранее свидетельств (например, о распределении продуктов питания в 1943 г.). Ещё в 2012 г. он отмечал: «Публикация новых документальных источников создала предпосылки к тому, чтобы перейти к изучению блокады Ленинграда на качественно ином уровне, исследовать блокадную жизнь во всех её проявлениях, объективно показать характер и мотивы поведения различных социальных групп населения, выявить основные факторы выживания в экстремальных условиях блокады»⁵³. В 2013—2017 гг. ему удалось осуществить этот замысел.

⁵³ Соболев Г.Л. Блокада Ленинграда: от новых источников к новому пониманию. С. 87.